Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Ф.П. Преображенский

В чем истинное счастье?

Опубликовано:
Христианское чтение. 1898. № 10. С. 541-568.

© Сканирование и создание электронного варианта: Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

ВЪ ЧЕМЪ ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ?

Опытъ выясненія вопроса съ христіанской точки зрѣнія.

Я — путь, истина и жизнь.
Слова Христа Спасителя.

I.

Мы переживаемъ послѣдніе годы нашего вѣка. Наступаетъ полный важности и серьезнаго значенія часъ, когда человѣчеству надлежитъ сдѣлать попытку нравственнаго самосознанія, свести счеты своихъ умственныхъ и нравственныхъ капиталовъ, и съ серьезною вдумчивостію, съ возможнымъ безпристрастіемъ оглянувшись на доживаемый вѣкъ, совершить актъ всесторонней нравственной самопровѣрки,—этого необходимаго момента въ исторіи и личнаго и общественнаго прогресса. Передъ порогомъ новаго приближающагося вѣка такъ необходимо и полезно серьезное и вдумчивое размышленіе о томъ, чѣмъ жило и живетъ человѣчество нашего вѣка, чтобы по общимъ свойствамъ его жизни и характера предсозерцать будущіе пути его жизни и нравственнаго развитія въ дали, покрытой таинственной завѣсой будущаго.

Къ печальнымъ и грустнымъ результатамъ приходитъ вдумчивый наблюдатель, обозрѣвая пеструю, полную внѣшняго блеска и внутренняго нестроенія картину жизни современнаго человѣчества. Это вѣкъ техническаго богатства и духовной нищеты. Это вѣкъ который, при всемъ величіи и торже-

ствѣ человѣческаго разума въ области положительнаго знанія, оставляетъ въ наслѣдіе своему преемнику печальное сознаніе своего полнаго безсилія въ указаніи такихъ идеаловъ, которые дали бы жизнь жаждущему обновленія человѣчеству. Въ эффектной золотой рамѣ, залитая электрическимъ свѣтомъ стоитъ передъ нами эта грустная картина людей съ оскудѣвшей вѣрой, заглохшими идеалами христіанства, изжитыми надеждами, съ потерянною любовію къ жизни,—людей, среди общаго горя отъ внѣшнихъ бѣдствій, столь оттѣняемаго внѣшнимъ блескомъ комфорта сыновъ новѣйшаго культуры, раздираемыхъ внутренней мукой вѣчныхъ вопросовъ, этой мучительной духовно-нравственной жаждой, для утоленія, которой наука не въ силахъ найти источникъ живой воды. Вѣкъ поразительнаго торжества человѣческаго разума въ области побѣды надъ природою, въ сферѣ матеріальнаго и реальнаго, и вѣкъ религіознаго и нравственнаго оскудѣнія, изсякшаго философскаго, художественнаго и моральнаго творчества. Въ религіозномъ отношеніи человѣчество переживаетъ серьезный кризисъ. Блѣднѣетъ блескъ и слабѣетъ сила католичества, не смотря на всѣ искусственныя мѣры, принимаемыя его служителями для поднятія его падающаго авторитета. Все яснѣе становится его ложное христіанство, не смотря на внѣшній блескъ и твердость его церковной организаціи. Протестантизмъ, вѣрный своему внутреннему принципу, ведущему къ раздору и разномыслію, идетъ по покатой плоскости разложенія. Вмѣсто религіознаго объединенія протестантскія страны являютъ картину раздѣлившагося царства. Некому поддержать чистое христіанство, когда даже представители оффиціальной церкви, пасторы открыто выражаютъ свое отрицаніе личнаго Бога. Наклонная повидимому къ консерватизму, англійская церковь, уже давно раздѣлившаяся и продолжающая дѣлиться, почти безсильна пріостановить струю раціонализма, которая начинаетъ вторгаться въ послѣднее время въ религіозное сознаніе англійскаго народа. Франціи не скоро оправиться отъ гибельныхъ, роковымъ образомъ являющихся въ ея общественной нравственности жизни, плодовъ ея легкомысленной эмансипаціи отъ всякой религіи. Трудно представить себѣ то многообразіе общинъ и сектъ, ту причудливую форму ихъ вѣрованій и внѣшней организаціи, какую представляетъ религіозная жизнь Америки. Но и вездѣ представители оффиціальной церкви, за немногими исключеніями,

только холоднымъ признаніемъ оффиціальнаго катехизиса и чисто формальнымъ участіемъ въ церковно-обрядовой жизни обнаруживаютъ свою внѣшнюю связь съ церковью, въ душѣ нося убѣжденія и вѣрованія, которымъ не далеко до атеизма и которыя во всякомъ случаѣ потеряли христіанскую окраску. Въ средѣ представителей свободныхъ профессій и интеллигентнаго труда, руководителей юношества и стремящагося къ самообразованію общества, мы видимъ не только равнодушіе къ вѣчнымъ религіознымъ вопросамъ, но прямое насмѣшливое отношеніе къ тому, что составляетъ сущность христіанства, во имя истины, науки и свободы. Въ сравнительно темныхъ и непросвѣщенныхъ народныхъ массахъ, наряду съ практическимъ нигилизмомъ, плодомъ проповѣди непризнанныхъ «освободителей» человѣчества отъ власти тьмы, живетъ темное и невѣжественное суевѣріе, и друзьямъ христіанства предстоитъ трудная задача внутренняго миссіонерства.

Мнимые друзья человѣчества, ослѣпленные вѣрой въ силу и величіе разума, одушевленные будто бы любовію къ человѣчеству, въ которомъ они бы желали видѣть духовное единство вмѣсто тяжелыхъ сценъ религіозной вражды сдѣлали все, чтобы поколебать всякій религіозный авторитетъ, и вмѣсто желаемаго всѣми единства вѣры работали на пользу единства невѣрія, единства индифферентизма.

Эмансипировавъ отъ всякаго религіознаго вліянія нравственное сознаніе человѣчества, дискредитировавъ, повидимому, христіанство, какъ и всякую религію, въ ихъ основныхъ положеніяхъ, наука сама взялась за изученіе законовъ нравственной жизни, стремясь дать имъ авторитетное научное обоснованіе. Увлеченная торжествомъ своего успѣха въ сферѣ матеріально-практическаго знанія, наука перешла предѣлъ своей компетенціи и взялась за дѣло, въ которомъ недостаточно было и ея метода, и ея научной силы, и обнаружила свою духовную скудость и безсиліе. Стремясь построить нравственное ученіе на незыблемыхъ основахъ точной науки, непоколебимомъ основаніи естествознанія, наука уничтожила всякую нравственность и разнообразіемъ своихъ системъ, которыя вели между собою ожесточенную борьбу, обнаружила не только безсиліе мысли, прижатой слѣпой вѣрой въ точные факты, но и подорвала значеніе всякаго нравственнаго авторитета. Плоды этой моральной безпринципности, съ одной стороны, и печальныя жертвы увлеченія нравственными выво-

дами новѣйшихъ теорій морали, построенныхъ на основахъ естествознанія, съ другой стороны, уже отмѣчены на страницахъ литературы. Моральные принципы, проведенные въ жизни, привели къ плодамъ, гибельнымъ для той теоріи, которая ихъ предложила. Вмѣсто доли участія въ общеміровой нравственной задачѣ,—влагать свой трудъ въ дѣло нравственнаго прогресса человѣчества и при свѣтѣ христіанской морали работать для его цѣлей,—нашъ вѣкъ отмѣчаетъ себя въ исторіи, какъ время оскудѣнія нравственнаго творчества. Рядъ теорій, ведущихъ къ сознательному обоснованію морали эгоизма, такъ блестяще закончился этой вполнѣ цинической теоріей Ницше, въ которой нравственное оскудѣніе нашего вѣка нашло свое крайнее выраженіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мысль, увлеченная слѣпой вѣрой въ факты и факты, прижатая своимъ одностороннимъ методомъ къ области внѣшняго и матеріальнаго, обнаружила всю скудость философскаго творчества. Духъ его, поднимавшій человѣчество надъ видимымъ и реальнымъ въ область идеальной творческой мысли, изсякъ, и вмѣстѣ съ этимъ умственнымъ и нравственнымъ оскудѣніемъ изсякло и художественное творчество. Въ декандентствѣ и символизмѣ нашли себѣ выраженіе эта скудость художественнаго творчества и блѣдность нашихъ художественныхъ идеаловъ.

Полна мало отрадныхъ явленій и политическая и соціально-экономическая жизнь человѣчества. Въ области международныхъ отношеній мы не достигли ничего кромѣ хорошо вооруженнаго мира,—мира, держащаго на готовѣ жестокій мечъ... Столь сильно занимающіе современные умы соціально-экономическіе вопросы, отъ рѣшенія которыхъ ставятъ въ зависимость всѣ судьбы человѣчества, достигли въ наше время наибольшей остроты, но улучшеніе соціально-экономическаго строя идетъ далеко не съ тѣмъ успѣхомъ, какимъ обнадеживали человѣчество его руководители. Своими противорѣчивыми, другъ друга уничтожающими теоріями, своими разнорѣчивыми проектами, отъ осуществленія которыхъ эти руководители ожидаютъ наступленія всеобщаго счастья на землѣ, они на самомъ дѣлѣ, едва-ли что сдѣлали для тѣхъ высокихъ цѣлей, какими они, повидимому, одушевлены, и ихъ блестящія утопіи очень и очень далеки отъ дѣйствительности. Они забыли, что одними внѣшними мѣрами, каковы бы онѣ ни были, нельзя уничтожить этой ожесточенной борьбы

эгоизмовъ, этой изобрѣтенной наукой и возведенной ею въ непреложный законъ борьбы за существованіе. Эффектны ихъ утопическія мечты о дальнѣйшихъ вѣкахъ, которые продолжатъ съ такою любовію ихъ работу, но дѣйствительность не даетъ силъ вѣрить ихъ правдоподобности и осуществимости.

Достаточно этихъ общихъ указанныхъ нами чертъ религіозно-нравственнаго и соціально-экономическаго состоянія современнаго человѣчества, чтобъ не ошибиться относительно печальныхъ послѣдствій его, столь замѣтныхъ теперь, при исходѣ нашего вѣка.

Всеобщее оскудѣніе религіозныхъ вѣрованій и нравственныхъ убѣжденій, которыя составляютъ живую основу всякой живой и энергичной дѣятельности, обостряемое тяжелыми явленіями окружающихъ бѣдствій и зла, привело человѣчество къ самому безотрадному пессимизму, который проявляется въ жизни самыми печальными послѣдствіями. Наука въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ обанкротилась; обмануты надежды, которыя возлагались на нее съ ея заманчивыми обѣщаніями. Религіозная вѣра изжита; дѣйствительность разрушаетъ всѣ утопіи. Въ умѣ и сердцѣ не осталось ничего завѣтнаго и дорогого. Цѣнность жизни оказалась фальшивой. Жизнь есть арена слѣпой погони за призрачнымъ счастьемъ. Люди стремятся вверхъ по крутой лѣстницѣ, гдѣ на каждой ступени стоятъ манящіе кубки, на днѣ которыхъ постоянно оказывается горечь. Муки тщетныхъ стремленій смѣняются скукой разочарованія. Повсюду борьба, ревность, зависть, глупость и злоба. Каждая дорога и каждое поприще есть сцена страданія. Можно придти въ отчаяніе, если задуматься о томъ, какія бѣды угрожаютъ намъ ежеминутно, висятъ незримо надъ головой, извиваются среди насъ змѣями и щелкаютъ челюстями отвратительныхъ драконовъ. Мы живемъ по истинѣ на полѣ безконечнаго сраженія; вся земля покрыта раненными. Чтобы видѣть это, достаточно обратить вниманіе на больницы, тюрьмы, углы нищеты, на явныя и тайныя слезы человѣчества. Отсюда, изъ нашего обыденнаго существованія, можно взять матеріалъ для описанія ада. (См. ст. «Страхъ смерти» К. Яроша, «Русск. Вѣстн.» 1898 г. Январь стр. 53). Вотъ убѣжденія, къ какимъ, подъ совокупнымъ воздѣйствіемъ многихъ причинъ, пришло человѣчество въ наши дни, и ненависть къ жизни замѣнила собою любовь къ ней, которая жила въ человѣчествѣ, не смотря на окружаю-

щее зло, вдохновляемая теперь—увы!—потерянной вѣрой въ безсмертіе души. «Умираю, потому что не нашелъ смысла жизни», «надоѣло жить»—вотъ слова слабовольныхъ жертвъ, задохнувшихся въ мрачной атмосферѣ скептицизма и безвѣрія, — вотъ почти постоянный мотивъ все болѣе и болѣе увеличивающихся самоубійствъ.

Состояніе человѣчества было бы очень безотрадно и безнадежно, если бы среди всеобщихъ нравственныхъ сумерекъ не явились слабые просвѣты возможнаго для человѣчества поворота на истинный путь, въ своихъ основахъ носящій животворную силу и вѣчное значеніе котораго такъ было забыто и потеряно. Мракъ ночи сгущается передъ разсвѣтомъ, и мы готовы привѣтствовать надежду на зарождающійся свѣтъ, который такъ нуженъ, котораго такъ жаждутъ люди, еще не угасившіе въ себѣ порывовъ къ истиннымъ цѣлямъ жизни. Едва замѣтно пробивается эта бодрящая струя животворной воды, едва показываются молодые всходы, но нельзя не замѣтить той внутренней работы, которая происходитъ въ лучшихъ людяхъ, ея симптомовъ и проявленій, которыя горятъ надеждой на лучшее будущее.

Посмотримъ на эти симптомы и ободримъ свои надежды.

Долгое господство позитивнаго направленія въ наукѣ, столь гибельно отразившееся въ человѣчествѣ, не могло, однако, окончательно истребить въ немъ потребность высшихъ идеальныхъ интересовъ и цѣлей въ жизни. Духовная жажда, ложно утолявшаяся научными теоріями, замѣнившими прежнія вѣрованія, потребовала чистой воды. «Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно»,—эти слова равно имѣютъ силу и относительно духовной природы человѣка. Присущая человѣческому духу неискоренимая потребность вѣры стала вырываться наружу. Она прежде всего выразилась въ томъ разочарованіи въ полной силѣ разума и науки, отзвуки котораго слышны повсюду. Сама наука въ лицѣ своихъ все болѣе и болѣе увеличивающихся представителей признала свое банкротство въ той области, гдѣ она предполагала господствовать, и начинаетъ обращать мысль человѣчества къ гонимой прежде вѣрѣ. Въ области моральныхъ отношеній слова «нравственный долгъ», «альтруизмъ», «любовь», «самопожертвованіе», «нравственная цѣль жизни» стали не прежними словами съ тайнымъ смысломъ, ничего не имѣющимъ общаго съ ихъ дѣйствительнымъ смысломъ, а формулами, въ которыхъ замѣтна новая

свѣжая струя нравственнаго сознанія. И въ наукѣ и литературѣ раздаются сперва робкіе, а потомъ и одушевленные призывы къ нравственному обновленію, источникъ котораго съ похвальною откровенностію указывается въ забытомъ, презираемомъ христіанствѣ. Возраждаются мало по малу религіозные интересы, оживляются нравственные вопросы, и жизнь жаждетъ новыхъ основъ и преобразованія. Въ области соціально-экономической успѣхъ внѣшнихъ мѣръ и предпріятій, направленныхъ къ установленію должныхъ границъ между борющимися сторонами, все болѣе и болѣе ставится въ зависимость отъ внутренняго преобразующаго умы и сердца нравственнаго процесса. Вопросы о смыслѣ и цѣли жизни ставятся съ глубокой жаждой истины, и мысль начинаетъ подниматься надъ узкою и меркантильною моралью въ область высшихъ задачъ и цѣлей. Вѣра въ безсмертіе, эта отрада измученнаго зломъ міра сердца, начинаетъ робко заявлять свои права. Отдѣльныя личности, объединенныя общимъ желаніемъ нравственнаго возрожденія, соединяются въ кружки и общества съ высокими цѣлями нравственнаго самовоспитанія. Со всѣхъ сторонъ раздается оживленный призывъ къ энергичной борьбѣ съ недугами нравственной безпринципности и мрачнаго невѣрія въ Бога, идеалы, людей и жизнь. Лучшіе люди призываются къ упорной аскетической работѣ надъ собою, чтобы благотворно вліять на ищущія свѣта въ жизни личности.

Правда, это все слабые намеки, робкія надежды, неувѣренные шаги. Правда, что истинные пути и цѣли еще далеко не сознаны въ ихъ чистомъ видѣ... И это не удивительно... Слишкомъ долго было всеобщее ослѣпленіе передъ разумомъ, слишкомъ долго отучалось отъ христіанства сознаніе человѣчества, слишкомъ глубокіе слѣды оставили недуги вѣка въ духовной организаціи современнаго человѣка. Человѣчество не въ силахъ сразу отрѣшиться отъ той путаницы, какую произвела въ его умахъ и сердцахъ переживаемая эпоха, и долго еще замѣтны будутъ слѣды старыхъ идеаловъ и теорій, которыя, смѣшиваясь съ элементами новаго ученія, образуютъ особое переходное состояніе. Лучшимъ выразителемъ этого переходнаго состоянія, представляющаго плодъ внутренней работы въ людяхъ конца нашего вѣка, является нашъ отечественный писатель, графъ Л. Н. Толстой, который послѣ своей жизненной катастрофы, заключившей его увлеченія вѣяніями нашего вѣка, отыскавъ потерянный имъ смыслъ жизни въ

перестроенномъ по своему пониманію христіанскомъ міровоззрѣніи, явился талантливымъ, смѣлымъ и воодушевленнымъ проповѣдникомъ нравственнаго обновленія. Какъ бы ни отнеслись современники къ его попыткамъ возбудить дремлющее сознаніе русскаго общества, никто не можетъ отрицать, что въ немъ характерно нашли выраженіе и прежнія увлеченія, отъ которыхъ онъ освободился только на словахъ, и новыя чаянія, направленныя современнымъ человѣчествомъ къ христіанству, пусть очень далекія отъ чистаго христіанства, но все же болѣе и болѣе къ нему приближающіяся. Пусть еще смутна для пониманія человѣчества истинная цѣль человѣческой жизни, какъ это показываютъ новѣйшія, такъ часто теперь появляющіяся книги и брошюры, посвященныя вѣчному вопросу о человѣческомъ счастьѣ, такъ назойливо стоящему въ наши дни предъ сознаніемъ... Пусть блуждающая мысль, не обращаясь къ чистому источнику новой жизни, забредетъ иногда въ дебри обновленнаго буддизма или приспособленной по научнымъ мѣркамъ теософіи, — пусть она съ неразборчивостію, свойственной мучительной жаждѣ, бросается ко всякимъ источникамъ, чтобы утолить свою жажду, — слово «жажду» произнесено человѣчествомъ, источникъ истинной жизни почти сознанъ, работа началась...

Такимъ образомъ, на порогѣ наступающаго вѣка человѣческая мысль можетъ, прикасаясь къ таинственной завѣсѣ, скрывающей отъ насъ будущее, обратиться къ нему съ очень важными запросами и чаяніями. Пусть исчезнетъ навсегда это идолопоклонство передъ разумомъ, для котораго открыты самые широкіе горизонты въ той области, гдѣ онъ дѣйствительно можетъ царствовать во всемъ блескѣ своего величія! Пусть все больше и больше разгорается духовная жажда въ человѣчествѣ, находя окончательное утоленіе въ вѣчныхъ глаголахъ Того, Кто имѣлъ власть сказать о себѣ: Я — истина, путь и жизнь! Только въ духовной атмосферѣ вѣры и любви найдетъ человѣчество вѣчныя и неизмѣнныя основы истинной жизни.

II.

Изъ вопросовъ, которые поставила современная, ищущая исхода, человѣческая мысль и на которыхъ яснѣе всего выразились и симптомы происходящей нынѣ внутренней работы

и основные недостатки ея направленія, мы избираемъ для нашей бесѣды этотъ старый, но вѣчно новый и въ наши дни особенно живо поставленный вопросъ о человѣческомъ счастьи, личномъ и общечеловѣческомъ.

Счастье! Едва ли въ обиходѣ словъ современнаго человѣка есть другое слово, которое бы съ такою силою, какъ бы электрическаго тока, касалось той тайной муки, какую носитъ въ глубинѣ сердца человѣкъ нашего времени. Это оно, разбитое или не найденное, увеличиваетъ наши кладбища преждевременными могилами людей потерявшихъ любовь къ жизни. Это оно — предметъ глубокихъ тайныхъ думъ и пламенныхъ молитвъ современной матери, смущенной все болѣе и болѣе увеличивающимся количествомъ молодежи, безъ вѣры, безъ надеждъ, безъ любви, безъ опоры и привязанности къ жизни. Это оно — тайная мечта всякаго современнаго существа, тѣмъ болѣе жадная и голодная, чѣмъ дальше отстоитъ отъ идеала дѣйствительность. Это оно — единственное слово, которое съ такимъ глухимъ недовѣріемъ, такимъ сарказмомъ, но въ тоже время и съ тщательно скрываемой надеждой выслушивается современными преждевременными пессимистами изъ лицъ молодого поколѣнія, которыя успѣли разочароваться въ жизни, почти ея не начавъ. Счастье личности и счастье человѣчества — вотъ тайныя пружины дѣятельности, упорной и мучительной, которую съ нервностію, доходящею до болѣзненности, безъ руля и безъ вѣтрилъ, съ чередующимися моментами отчаянія и надежды, ведутъ современные люди. Въ чемъ истинная жизнь, въ чемъ счастье — эти вопросы съ возбужденностію ставятся всюду и такъ или иначе рѣшаются въ современной литературѣ. Одна книга выходитъ за другой, отвѣчая на жадные запросы ищущаго счастья человѣчества.

Я не стану подробно разбирать тѣхъ книжекъ и брошюръ по занимающему насъ вопросу, которыхъ такъ не мало появилось въ послѣднее время на нашемъ книжномъ рынкѣ. Я скажу про нихъ лишь одно: всѣ они внушены любовію къ человѣчеству, заключаютъ много дѣльныхъ и глубокихъ мыслей, но вотъ одна ихъ общая черта: онѣ едва одно или два слова говорятъ о значеніи въ жизни человѣчества той животворной силы, которую мы называемъ христіанствомъ. Умалчивая объ этой исторической силѣ человѣческаго развитія, объ этомъ двигателѣ нравственнаго развитія каждой человѣческой личности, эти книги предлагаютъ человѣчеству создать

возможное для него счастіе на основахъ, которыя выдуманы и проведены къ жизни той самой силой, о которой онѣ, полныя или безсознательнаго или замалчиваемаго ими вліянія христіанскихъ идеаловъ, совершенно не говорятъ, но, лишенныя внутренней возможности понять идеалы христіанскіе во всей ихъ чистотѣ и небесномъ величіи, они представляютъ намъ жалкіе отблески того свѣта, которому онѣ не могутъ прямо смотрѣть въ лицо. И оттого это — слабые намеки, обезцвѣченныя подобія, блуждающія попытки. Просвѣтленные животворнымъ свѣтомъ христіанства, эти элементы человѣческаго счастья, указываемые друзьями человѣчества, являются во всей своей силѣ и плодоносности только тогда, когда попадаютъ въ родившую ихъ благодатную атмосферу христіанской вѣры. Восполнить въ слабой попыткѣ существенные недочеты этихъ во множествѣ распространяющихся въ наши дни книжекъ — составляетъ нашу задачу, и къ христіанскому рѣшенію вопроса о человѣческомъ счастье я привлекаю ваше вниманіе.

Но вотъ я уже слышу возраженіе, которое я слышалъ ранѣе, чѣмъ приступилъ къ своей работѣ. Христіанство и счастіе! Да что можетъ быть общаго между религіей неба и темными стремленіями гоняющагося за плотскими интересами человѣчества? Что общаго между христіанскимъ аскетизмомъ и любовью къ жизни, какъ ее понимаетъ осуетившійся человѣкъ? Что общаго между блаженствомъ и земнымъ счастіемъ, когда это послѣднее, повидимому, даже отрицается во имя перваго? Что общаго между печальными тонами тяготѣющей къ небу и скудной человѣческими радостями христіанской жизни и пестрыми роскошными красками воодушевленной любовію къ жизни картины, рисуемой мечтами человѣчества? Что можетъ сказать христіанство и его служитель о счастьѣ?

Я не стану особенно отвѣчать на это возраженіе въ которомъ, повидимому, при своемъ благоговѣніи къ христіанству выражается такое грубое и, къ сожалѣнію, довольно часто встрѣчающееся въ наши дни пониманіе христіанства. Отвѣтомъ на эти недоумѣнія будетъ мое чтеніе.

При всемъ разнообразіи предлагаемыхъ современному человѣчеству формулъ счастія, всѣ онѣ сходятся въ одной общей чертѣ — опредѣляютъ общую сущность человѣческаго счастья, его логическую схему, почти одинаково. И это понятно. Не смотря на живое разнообразіе индивидуальныхъ

чертъ умственныхъ образовъ людей всѣхъ временъ, умственная жизнь ихъ идетъ по общимъ всѣмъ неизмѣннымъ законамъ. Столь же неизмѣнные общіе законы заправляютъ и всею душевною жизнію человѣка, при всемъ разнообразіи нравственныхъ физіономій, разнообразіи умственнаго и нравственнаго склада отдѣльныхъ единицъ. Понятно, что и все человѣчество сходится въ общемъ опредѣленіи сущности того счастья, за фантастическими призраками спеціальныхъ выраженій котораго оно лихорадочно гонится, не смотря на то, что согласно умственному и нравственному складу, условіямъ общаго умственнаго, религіознаго и нравственнаго развитія, отдѣльныя пониманія и требованія жизни наполняютъ эту общую формулу такимъ живымъ и разнообразнымъ содержаніемъ, что они могутъ отрицать другъ друга и, приведенныя въ жизнь, приносятъ вмѣсто счастья ненависть къ жизни. Въ чемъ же состоитъ эта общая формула счастья? Чувство счастія состоитъ въ ощущаемомъ внутри человѣка, въ тайникахъ его существа, чувствѣ наслажденія жизнію, жизнерадостности, блаженства и любви къ жизни, — которое въ человѣкѣ является какъ плодъ внутренняго и внѣшняго равновѣсія, возможной гармоніи удовлетворяемыхъ потребностей индивидуальной личности, сообразно запросамъ, предъявляемымъ степенью ея умственнаго и нравственнаго развитія. Счастье человѣка внутри его: въ этомъ согласны всѣ, и различіе между отдѣльными личностями состоитъ лишь въ указаніи тѣхъ элементовъ, которые должны входить, какъ необходимыя звенья золотой цѣпи счастья. Относительно этихъ элементовъ также существуетъ возможное для такого вопроса однообразіе въ указаніи тѣхъ наиболѣе общихъ, общечеловѣческихъ элементовъ, изъ сочетанія которыхъ могло бы сложиться возможное на землѣ счастіе современнаго человѣка. Таковы указываемые большинствомъ современныхъ писателей элементы: любовь къ наукѣ, любовь къ искусству, любовь къ природѣ, служеніе добру, служеніе обществу, служеніе человѣчеству, физическій, умственный и нравственный трудъ, дружба, семья, возможное физическое и душевное здоровье. Кажется, что въ этихъ элементахъ указаны всѣ существенные запросы человѣческаго существа, и человѣчеству ничего не остается, какъ послѣдовать умнымъ и дѣльнымъ совѣтамъ современныхъ теоретиковъ счастья. Но вотъ въ чемъ существенный недостатокъ этихъ попытокъ указать человѣчеству единственныя основы возмож-

наго человѣческаго счастья. Несмотря на всю серьезность и научную обоснованность этихъ положеній, раскрытыхъ на почвѣ точныхъ данныхъ всякаго опыта, несмотря на всеоружіе авторитетовъ науки изъ всѣхъ областей, — психологіи, этики, физіологіи, исторіи, философіи, медицины и гигіены и вообще естествознанія, которе такъ гордится своимъ величіемъ и побѣдоносностью, — несмотря на все это, указанные механически соединенные элементы представляютъ намъ не живаго человѣка, а машину, для которой собраны почти всѣ составныя части, но которой не хватаетъ объединяющей ея части животворной силы, для которой въ ея мертвомъ матеріалѣ не дано зародыша живой творческой души, способной дать этимъ мертвымъ элементамъ жизнь, объединить ихъ въ общемъ жизненномъ токѣ, сдѣлаться источникомъ, двигателемъ и силой всесторонней воодушевленной совмѣстной дѣятельности этихъ элементовъ, произвести то, что, проникая всѣ эти отдѣльныя части, дѣйствительно дало бы такъ страстно искомое современнымъ человѣчествомъ счастіе.

И его, это страстно искомое счастье, даетъ всякому жаждущему истинно понятое христіанство, не то, которое нынѣ выдаютъ за него, не эта удивительная, смѣсь парадоксовъ и положеній, въ которыхъ христіанскаго одни лишь слова, скрывающія тайный смыслъ совершенно нехристіанскихъ воззрѣній, не эта поддѣлка, которая дерзаетъ называться истиннымъ смысломъ христіанства, потеряннаго людьми, — а то чистое и безпримѣсное Христово ученіе, которое преобразило міръ и дало человѣчеству столько великихъ нравственныхъ характеровъ, познавшихъ блаженство истиннаго христіанскаго счастія на нашей тернистой землѣ, и которое доселѣ и всегда есть живой источникъ воды, утоляющей всякую жажду на вѣки, — воды текущей чрезъ путь этой жизни въ жизнь вѣчную и съ собой несущей и счастіе жизни земной, и блаженство жизни небесной.

«Странная вещь, — говоритъ одинъ изъ признанныхъ человѣчествомъ умовъ (Монтескье), что христіанская религія, не имѣя, кажется, другой, цѣли кромѣ блаженства въ загробной жизни, обезпечиваетъ вполнѣ земное счастіе». Мы, напротивъ, въ этомъ не находимъ ничего страннаго. Это вполнѣ естественно проистекаетъ изъ самой сущности христіанства, какъ благой вѣсти съ неба бѣдной землѣ. Богъ надѣлилъ человѣка любовію въ жизни и вложилъ въ его сердце, полное высо-

кихъ потребностей ко всему свѣтлому, доброму и прекрасному, живое стремленіе раскрывать полноту этой жизни въ удовлетвореніи всѣхъ законныхъ потребностей своей духовно-тѣлесной природы. Вся психо-физическая организація человѣка была приспособлена къ тѣмъ высокимъ цѣлямъ, которыхъ достигать на безконечномъ пространствѣ вѣковъ надлежало человѣчеству съ его высокими запросами духа и сердца. Вѣра въ Бога, непрестанное общеніе человѣческаго существа съ источникомъ всякой жизни — истины, добра и красоты, наслажденіе красотами природы, разнообразный трудъ, направленный къ правильному раскрытію всѣхъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, общеніе между сродными по духу, цѣли и задачамъ существами, въ семьѣ, дружбѣ, обществѣ, взаимное восполненіе недостающаго среди окружающихъ во всѣхъ сферахъ общечеловѣческихъ потребностей—вотъ содержаніе жизни, которое указано было человѣчеству основными чертами его духовно-тѣлесной природы. Изъ этого сочетанія для человѣка естественно должно было проистекать то чувство внутренняго удовлетворенія, которое съ полнымъ правомъ можетъ быть названо счастьемъ. Рай— это символъ полнаго совпаденія земного счастья и небеснаго блаженства. Но рай былъ потерянъ, и тщетно блуждалъ человѣкъ, пытаясь возвратить себѣ потерянный рай и обрѣсть земное счастье. Та потрясающая катастрофа, которая одна только въ состояніи объяснить этотъ удивительный трагическій разладъ въ человѣческомъ существѣ, эту непонятную смѣсь добра и зла, свѣта и тьмы, красоты и безобразія, все— то, что обратило землю—увы!—не въ тщетно искомый рай, а въ подобіе ада, — она, эта катастрофа, внесла въ жизнь человѣчества ту темную и мрачную полосу, которую, все болѣе и болѣе сгущая, люди сочли единственной долей ихъ ужаснаго существованія и, блуждая въ ея потемкахъ, не могли выбраться на истинный путь. Остатки свѣта въ человѣчествѣ были безсильны просвѣтить для него темные пути. Человѣчество выбивалось изъ силъ, жаждало, искало, хотѣло, и наконецъ благая вѣсть съ неба провозвѣстила новый и единственный путь получить потерянный рай. Единородный Сынъ Божій сходитъ на землю, томившуюся во мракѣ, и съ Нимъ сходитъ свѣтъ на землю. Христосъ воплощается, принимая человѣческую природу въ ея нормальномъ, неискаженномъ грѣхомъ видѣ, и живетъ на землѣ человѣческою жизнію

благословляя скромную долю нашего земнаго существованія. Онъ благословляетъ бѣдность, принимаетъ участіе въ земныхъ радостяхъ, живетъ радостями и скорбитъ скорбями человѣчества. И Своею личностію, и Своимъ ученіемъ онъ проповѣдуетъ пришествіе царства Божія, а царство Божіе можетъ принести съ собою только счастье, только миръ, только блаженство. Христосъ не пересоздаетъ человѣческой природы, омраченной долгимъ рабствомъ грѣху,—Онъ не уничтожаетъ на землѣ человѣческаго горя, болѣзни и смерти, Онъ не перестраиваетъ человѣческаго строя не уничтожаетъ насильственно общечеловѣческихъ бѣдствій; Онъ знаетъ, что то сѣмя царства Божія, которое онъ бросаетъ, выростетъ въ древо, подъ сѣнью котораго найдутъ себѣ отраду и счастье народы, естественно перерождаясь и преобразуясь, — что закваска, брошенная Имъ въ міръ, произведетъ такое броженіе, что и личный міръ каждаго человѣка и общая жизнь человѣчества получитъ новое и мощное направленіе по новому пути, который принесетъ человѣчеству счастье на землѣ и блаженство на небѣ. Истинное счастье на землѣ — это то царство Божіе, которое есть внутрь всякаго человѣка и дается ищущему какъ Божій даръ, какъ миръ, струя небесной жизни, какъ чудная пѣсня ихъ горнихъ селеній,—ощущается внутри какъ гармонія духа, претвореннаго силой Христовой, оплодотворившей всѣ лучшія и высшія проявленія человѣческой души. Это — миръ души, прощенной Богомъ и примиренной съ Нимъ,—это блаженство духа въ общеніи любви съ источникомъ любви, это — радость свободы выпущеннаго на просторъ родныхъ полей узника, это — счастіе удовлетворенной духовной и нравственной алчбы и жажды... Вѣчно горящая звѣзда небеснаго идеала, указующая свѣтлую даль всякаго существованія, идетъ предъ служителемъ Креста Христова и ведетъ его путями этой земной жизни, на которыхъ каждый шагъ его приближенія къ идеальной цѣли сопровождается тѣмъ высокимъ чувствомъ внутренняго блаженства, которое одно можетъ дать на землѣ ощущеніе счастья,—ведетъ чрезъ возможное счастье на землѣ къ полному счастью и блаженству на небѣ.

На этомъ земномъ пути что́ отнимаетъ христіанство отъ тѣхъ свѣтлыхъ радостей, отъ тѣхъ чистыхъ наслажденій, какихъ алчетъ на землѣ наше сердце? Ничего. На этомъ пути христіанство что́ даетъ человѣчеству во всемъ, что касается его

высшаго блага? Все. Это мы покажемъ на слѣдующихъ страницахъ.

Итакъ, мы указали общую схему человѣческаго счастья, въ томъ его смыслѣ, какой придаетъ ему истинное христіанство; мы нашли, что христіанство сходно съ современными теоретиками счастья указываетъ его внутри человѣческаго духа, но обосновываетъ его глубже и, связуя его съ вѣчными цѣлями человѣческаго существованія, придаетъ ему твердую основу и болѣе жизненную силу. Но это замѣтнѣе будетъ для насъ, когда мы обратимся къ разсмотрѣнію того, какъ относится истинное христіанство ко всѣмъ указаннымъ въ современныхъ книгахъ о счастьѣ элементамъ, сочетаніе которыхъ даетъ человѣчеству искомое имъ счастье.

III.

Въ любви къ истинѣ, въ свѣтлой области просвѣщенія, въ наслажденіяхъ умственнаго познанія научаютъ насъ искать счастья современные учители. Они не находятъ словъ, чтобы воспѣть восторженный гимнъ знанію и наукѣ, и въ своемъ поклоненіи передъ разумомъ и наукой готовы дойти до религіознаго экстаза. Свѣтъ разума—вотъ начало жизни, полной смысла. Просвѣщеніе—вотъ лѣкарство противъ всѣхъ духовныхъ недуговъ. Наслажденіе интеллектуальное—вотъ что способно дать человѣку счастье. Мы не будемъ оспаривать этихъ положеній. Христіанство, и ничто другое, возвысило и одухотворило эту любовь человѣка къ истинѣ и знанію; смотря на разумъ человѣческій, какъ на отраженіе разума Божественнаго, оно окрылило человѣческій умъ въ его полетѣ въ безконечные предѣлы знанія; оно открыло своимъ возвышеннымъ ученіемъ широкіе горизонты, вложило любовь къ совершенствованію въ сферѣ знанія. Мы глубоко согласны, что—

> Всѣ добрыя мысли, слова и дѣянья
> Свершаются нами при свѣтѣ познанья,
> Всѣ добрыя мысли, слова и дѣянья
> Къ блаженству ведутъ, побѣждаютъ страданья.
>
> (Кн. Цертелевъ).

но утверждаемъ, что это глубокое значеніе свѣта знанія и науки можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда это знаніе и

наука не прерываютъ духовной связи съ той великой силой, которая ихъ возродила, т. е. силой христіанства. Чтобъ понять истинное значеніе знанія, обратимся къ одному древнему мудрецу, который достаточно извѣстенъ читающему обществу по ложнымъ ссылкамъ на него такихъ учителей нравственности, какъ Шопенгауэръ и Л. Толстой. Мы имѣемъ въ виду автора той непонятой многими книги, которая носитъ у насъ названіе Екклезіаста. Въ этой книгѣ содержится живая, прочувствованная исповѣдь одной ветхозавѣтной личности, которой по силѣ его дарованія и положенія въ мірѣ пришлось пережить всѣ увлеченія своей эпохи. Подобно Л. Толстому, повѣдалъ онъ намъ мучительную свою исторію. «И предалъ я сердце мое тому—говоритъ онъ,—чтобы изслѣдовать и испытать мудростію все, что дѣлается подъ небомъ» (Еккл. I, 13). Онъ видѣлъ всѣ дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ; его сердце видѣло много мудрости и знанія, такъ что онъ пріобрѣлъ мудрости больше всѣхъ, которые были прежде надъ Іерусалимомъ». (I, 14—16). И что же? Безсиліе и ограниченность человѣческаго разума отравляли всѣ его исканія истины. Послѣ тяжелыхъ и мучительныхъ поисковъ за теоретическою истиною, послѣ лихорадочныхъ умственныхъ блужданій въ полусвѣтѣ истины и мракѣ заблужденій, Екклезіастъ нашелъ, что «не можетъ человѣкъ постигнуть дѣлъ, которыя дѣлаются подъ солнцемъ, сколько бы не трудился въ изслѣдованіи» (III, 11; VIII, 17). Если и бываютъ такіе самоувѣренные мудрецы, которые говорятъ, что знаютъ все, то это ложь (VIII, 17) и имъ смѣло можно противопоставить искреннихъ Сократовъ, которые знаютъ только то, что они ничего не знаютъ, — въ чемъ и сознаются. Но даже и въ области того относительнаго знанія, какое дано въ удѣлъ человѣку, — въ этой области, которая является маленькимъ островкомъ среди необъятнаго океана непознаннаго, изслѣдователь наталкивается на массы ошибокъ и промаховъ, доставляющихъ ему страданія.

Но если стремленія къ мудрости и знанію отправляются горькимъ сознаніемъ своей ограниченности и безсилія, которыя не только съуживаютъ въ роковыя границы эти стремленія, но и сѣютъ на пути къ знанію тернія ошибокъ и промаховъ, то это горькое сознаніе переходитъ въ скорбь, когда вмѣстѣ съ умноженіемъ познаній нарождаются новые вопросы, которыхъ не въ силахъ разрѣшить человѣкъ. «Кто

умножаетъ познанія, умножаетъ скорбь» (I, 19). Жажда человѣка къ знанію неутолима. Самоувѣренно, несмотря на постоянное сознаніе, что обрѣзаны крылья человѣческаго ума, шагая чрезъ ошибки и промахи, человѣкъ идетъ на проломъ впередъ и потомъ со скорбію останавливается передъ рядомъ новыхъ вопросовъ, которыхъ не обнять и не разрѣшить самоувѣренному мудрецу. И вотъ человѣкъ походитъ на того, кто хотѣлъ бы ковшемъ исчерпать океанъ. Развитый и обогащенный познаніями умъ мудреца яснѣе видитъ всѣ несовершенства своей умственной организаціи, всѣ противорѣчія своего отрывочнаго знанія, всѣ несовершенства и ненормальности въ мірѣ физическомъ и нравственномъ, и вмѣстѣ свое безсиліе въ борьбѣ съ послѣдними [1]). Невѣжество и незнаніе не знаетъ этихъ умственныхъ мукъ, этой борьбы сомнѣній и противорѣчій, этой тоски и страданій при видѣ огненнаго херувима, охраняющаго входъ въ тотъ рай мудрости, гдѣ весь универсъ и космосъ познаются во всей полнотѣ. Вотъ посему во многой мудрости много печали (1, 19).

Въ самомъ дѣлѣ, не знанія ли его поставили передъ его взоромъ мучительную антитезу тлѣнности человѣческаго бытія и вѣчно стоящаго и не исчезающаго механизма природы, гдѣ все круговращается и повторяется по ритму строгой законности (1, 4)? Не изученіе ли явленій природы, гдѣ нѣтъ ничего новаго, открыло ему наиболѣе ярко, что и человѣческая культура подвержена тому же закону, и навело его на мысль, оправданную опытомъ человѣчества, имъ изученнымъ, что и въ сферѣ человѣческаго труда и дѣятельности нѣтъ прогресса, что люди возобновляютъ лишь старое въ подновленномъ видѣ и лишь питаются роковой иллюзіей, когда это подновленное старое считаютъ за новое, еще не бывшее подъ солнцемъ? (I, 9 — 11). Не мудрость ли его открыла ему тягостную для самолюбія зависимость человѣка отъ его природы, закона времени и всеобщаго физическаго порядка (III, 1—11)? Не мудрость ли его породила въ его

[1]) Шопенгауеръ ссылается на Екклезіаста, когда доказываетъ свою мысль, что геніальный человѣкъ страдаетъ болѣе посредственности; для геніальнаго ума яснѣе все зло міра, все зло слѣпой и неразумной воли къ жизни. Эту ссылку нельзя считать неудачной. Конечно, для мудреца яснѣе всѣ кривизны физическаго и нравственнаго міра—отсюда міровая скорбь понятнѣе въ устахъ мудреца, чѣмъ говорящей съ чужихъ словъ посредственности.

душѣ претензію имѣть преимущество передъ глупцомъ и невѣждою и не сама ли она разбила эту иллюзію преимущества, когда открыла, что мудрый умираетъ наравнѣ съ глупымъ и забывается въ потомствѣ также скоро, какъ и глупецъ (II, 15—16)? Не она ли, подавленная фактомъ смерти, оказалась безсильной связать этотъ ужасный физичесиій жребій всего живущаго съ инстиктивнымъ стремленіемъ человѣка къ вѣчности (III, 11) и привела его душу въ ужасное состояніе сомнѣнія относительно безсмертнаго назначенія человѣка, умирающаго наравнѣ со скотомъ (III, 19—21)? Не она ли раскрыла ему всѣ человѣческія заблужденія, обнажила всѣ царящія надъ людьми иллюзіи, обрисовала ему всѣ ужасныя противорѣчія въ жизни между идеаломъ и дѣйствительностію, натолкнула на неразрѣшимые для нея вопросы о судьбахъ праведныхъ и нечестивыхъ (VII, 15; VIII, 10, 14; IX, 11),—столь поражавшихъ своей кажущейся несправедливостію религіозныхъ и мыслящихъ людей всѣхъ временъ, особенно ветхозавѣтныхъ,—и не она ли сама показала все свое безсиліе «выпрямить кривое и восполнить недостающее» въ области физическаго міропорядка и нравственной жизни человѣчества (I, 15; VII, 13)? Не она ли сама, наконецъ, раскрыла свою собственную ограниченность, свое безсиліе, свою погрѣшимость, и сперва гордая и самоувѣренная, потомъ пришла къ самоотрицанію?

Итакъ, мудрость Екклезіаста наставила множество вопросовъ, но ни одного изъ нихъ не разрѣшила,—раскрыла множество ненормальностей въ мірѣ физическомъ и нравственномъ, но ни одной изъ нихъ не объяснила и не исправила. Сознавъ свое безсиліе постигнуть дѣла, совершающіяся подъ солнцемъ, и исправить «кривизны» физическаго и нравственнаго міра, она разбила самоувѣренную иллюзію Екклезіаста, въ мудрости и знаніяхъ искавшаго самодовлѣющаго блага, и отрицаніемъ самой себя показала всю суетность стремленій къ ней. Скорбь, какъ результатъ сознанія безсилія, ограниченности и ничтожества своей мудрости, скорбь, какъ результатъ признанія безцѣльности и безплодія жизненныхъ стремленій въ мудрости найти личное счастье и смыслъ жизни—вотъ то настроеніе, которое овладѣло душой Екклезіаста, когда онъ свелъ счеты съ своими умственными блужданіями.

Но увы! это не личная его неудача. Его тяжелое чувство личной скорби переходитъ въ чувство скорби міровой,

когда онъ, присмотрѣвшись къ жизни другихъ людей, нашелъ, что такова участь и всѣхъ мудрецовъ, что скорбное сознаніе безплодія всѣхъ исканійи стины и безплодно потраченныхъ силъ на борьбу съ физическими и нравственными несовершенствами есть роковой удѣлъ всѣхъ мыслящихъ людей, взявшихся за это «тяжелое занятіе», за эту «тяжкую муку» (I, 13), какъ онъ называетъ стремленіе людей къ мудрости и знаніямъ и ихъ умственныя блужданія безъ надежды выбраться на путь всеобъясняющей истины.

И вотъ онъ, въ чувствѣ глубокой скорби, озирая страдальческимъ взоромъ и свои личныя, а затѣмъ и общечеловѣческія стремленія къ мудрости, уныло восклицаетъ:

Все суета, суета безполезная,
Духа больнаго томленье! [1]).

Религіозная идея спасла его; при свѣтѣ вѣры побѣдилъ онъ и свой скептицизмъ въ области знанія и свой пессимизмъ въ вопросѣ о жизни.

Такъ разсуждалъ древній мудрецъ при состояніи знанія и мудрости его времени. Но что же мы скажемъ о современной наукѣ? За насъ отвѣтятъ многіе представители современной мысли, которые въ нашъ вѣкъ поклоненія передъ разумомъ, не теряя уваженія къ величію человѣческаго разума и своей любви къ наукѣ, нашли въ себѣ смѣлость высказать протесты противъ ея чрезмѣрныхъ притязаній въ областяхъ, ея вѣдѣнію не подлежащихъ. Таковы Брюнетьеръ, Дю-буа-Реймондъ, Карпентеръ и др. Поразительны эти голоса, все болѣе и болѣе увеличивающіеся, именно въ концѣ нашего вѣка, когда культъ разума находилъ себѣ столько жрецовъ и поклонниковъ. Призывы бросить эту слѣпую вѣру въ разумъ, это рабское поклоненіе передъ наукой раздаются все чаще и чаще. Когда наука, отъ христіанства получившая свое возрожденіе, въ своемъ ослѣпленіи вступила въ грѣхопаденіе своимъ желаніемъ «быть яко бози», отрѣшилась отъ его вліянія и пошла своимъ путемъ, возвышая противъ христіанства протестъ во имя свободы и разума, она лишила себя животворнаго вліянія

---

[1]) Изложеніе воззрѣній Екклезіаста на человѣческую мудрость и знаніе взято изъ брошюры автора: Къ вопросу о счастьѣ. Мнимый пессимизмъ ветхозавѣтнаго „Суета суетъ“, стр. 12—17. М. 1898.

этой силы, и, не смотря на всѣ свои успѣхи въ области знанія, должна была придти къ горькому сознанію своего безсилія рѣшить вопросы, которые мучаютъ человѣчество, — вопросы полные нравственнаго значенія, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ сама жизнь. И вотъ вмѣсто того, чтобы служить истинному просвѣщенія людей и вмѣстѣ ихъ счастью, она явилась источникомъ такихъ идей и убѣжденій, которыя внесли въ человѣческое сердце внутреннюю муку. Она разрушила вѣру въ Бога, эту силу человѣческой жизни, и взамѣнъ не дала ничего. Она разрушила вѣру въ безсмертіе и приковала человѣческій умъ къ этой бѣдной землѣ, оставивъ человѣка въ жертву безплоднымъ мукамъ отчаянія. Во имя среды и наслѣдственности она уничтожила понятіе свободы и нравственной вмѣняемости. Своими теоріями она развѣнчала человѣка и отдала его въ рабство его животнымъ свойствамъ. Своими утопіями объ улучшеніи общественнаго строя она разожгла хищническіе инстинкты, пожрала множество жертвъ, принесенныхъ ей поклонниками, и, насуливъ рогъ изобилія, обманула всѣ надежды. Ученіемъ о борьбѣ за существованіе она поколебала нравственную устойчивость и вмѣсто нравственныхъ требованій и любви дала просторъ и обоснованіе эгоизму, самому хитрому и утонченному. Она разрушила все завѣтное и дорогое, а послѣднимъ ея словомъ была безотрадная пѣсня пессимизма, которая, при всемъ разнообразіи своихъ напѣвовъ и мотивовъ, поетъ объ одномъ концѣ всякаго существованія—небытіи послѣ дѣйствительно ужаснаго бытія при свѣтѣ науки. Литература уже дала намъ тѣ печальные типы, какіе породила современная наука, отрѣшившаяся отъ всякихъ христіанскихъ идей, и жизнь съ каждымъ днемъ выбрасываетъ новыя и новыя жертвы печальнаго вліянія той силы, которую называютъ свѣтомъ. Мы не преувеличиваемъ. Во имя любви къ наукѣ мы призываемъ ее къ ея границамъ, къ ея источнику, въ которомъ найдетъ она свое истинное значеніе и потомъ сослужитъ человѣчеству службу, достойную ея имени. Да,

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человѣкъ отчаянно тоскуетъ!
Онъ къ свѣту рвется изъ ночной тьмы
И, свѣтъ обрѣтши, ропщетъ и бунтуетъ...
Безвѣріемъ палимъ и изсушенъ

Невыносимое онъ днесь выноситъ
И создаетъ свою погибель онъ,
И жаждетъ вѣры, но о ней не проситъ...
Не скажетъ вѣкъ съ молитвой и слезой,
Какъ ни скорбитъ предъ замкнутою дверью:
„Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой,
Приди на помощь моему невѣрью“...
Растлѣнье душъ и пустота,
Что гложетъ умъ и въ сердцѣ ноетъ,—
Кто ихъ излѣчитъ, кто прикроетъ?
Ты, риза чистая Христа!

(Тютчевъ).

Да, не въ этомъ мнимомъ свѣтѣ того тусклаго и мрачнаго просвѣщенія, какое даетъ намъ невѣрующая наука, найдетъ себѣ долю дѣйствительнаго счастья современный человѣкъ, а въ области возвышенныхъ и широкихъ идеаловъ *христіанскаго* просвѣщенія, въ свѣтлыхъ лучахъ *христіанскаго* знанія и *христіанской науки.*

Одно—познанія, иное—вѣра.
Блаженъ, кто эти разныя начала
Въ душѣ своей успѣетъ примирить...
Какъ ни были бъ велики
Способности разсудка твоего,
Какъ ни былъ бы премудрости твоей
Богатъ неисчерпаемый запасъ,
Безъ вѣры всѣ познанія твои
Не принесутъ желаннаго плода,
Какъ не дозрѣетъ колосъ золотистый,
Когда дождемъ онъ не былъ орошенъ...

(К. Романовъ).

Но и это еще не все. Во-истину счастливъ тотъ, кто, озаряемый свѣтомъ христіанской вѣры, имѣетъ еще возможность наполнить свою жизнь умственными наслажденіями, въ свѣтѣ знанія найти восполненіе высшихъ требованій своей духовной природы. Но что дѣлать тому темному народу, въ которомъ едва-едва, среди темной власти суевѣрія и невѣжества, пробивается лучъ просвѣщенія, часто даже удаленный отъ свѣта той вѣры, которая въ немъ живетъ? Для него, этого темнаго

человѣка, вѣра есть все: и знаніе, и нравственный кодексъ, и законъ природы, и начало жизни, все—свѣтъ, утѣшеніе и отрада. Въ этомъ великое значеніе христіанства, которое, освѣщая своими лучами темные пути человѣческаго знанія, придавая своими идеалами высшую цѣнность умственному наслажденію, не лишаетъ своего свѣта и темную массу, не отказывая и ей въ ея запросахъ высшей любознательности и уравнивая всѣхъ въ правѣ пользоваться знаніемъ, какъ необходимымъ элементомъ земного счастія. И тѣмъ болѣе христіанство призываетъ всѣхъ къ энергичной работѣ просвѣтить темныя массы при свѣтѣ той вѣры, которою она живетъ.

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте: спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!

IV.

Изъ области умственныхъ наслажденій современные теоретики счастья ведутъ насъ въ свѣтлую область эстетическаго наслажденія плодами художественнаго творчества, въ область искусства въ его разнообразныхъ проявленіяхъ. Искусство, наслажденіе красотой — вотъ куда призываютъ наше изнервничавшееся, скудное вѣрой въ людей и лишенное любви къ жизни, полное пессимизма поколѣніе. Искусство способно поднять это поколѣніе надъ мрачною дѣйствительностію въ область свѣтлыхъ полетовъ фантазіи; оно вноситъ миръ и гармонію въ изъѣденную анализомъ и критикой душу современнаго человѣка, оно—источникъ высшихъ, прочныхъ и благородныхъ наслажденій среди страданій личнаго міра и окружающаго человѣчества.

Прекрасныя мысли, и чаще ихъ слѣдуетъ повторять въ наше томимое духовнымъ голодомъ время. Но въ нихъ одинъ недостатокъ: онѣ висятъ на воздухѣ, онѣ представляютъ прекрасныя фразы, но не современному искусству исполнять эту свѣтлую задачу. Въ самомъ дѣлѣ, что сдѣлало современное искусство въ наши дни? Оно ниспало до натурализма и декадентства. Оно полно мрачнаго пессимизма, на немъ отразилось печальное состояніе общей духовной скудости. Вмѣсто бодрости оно увеличило всеобщее уныніе, вмѣсто облагора-

живающаго вліянія свѣтлыхъ образовъ чистой цѣломудренной красоты оно цинизмъ возвело въ перлъ высшей красоты, вмѣсто высшихъ наслажденій оно давало скуку и разочарованіе, и многія лучшія произведенія, шедевры техническаго мастерства были лишены всякаго высшаго духовнаго смысла и благородной нравственной идеи. Печальное, унылое время! И вотъ мы видимъ, что тотъ, кто былъ великимъ художникомъ, отрекся отъ чистыхъ идеаловъ искусства во имя того, что оно отступило отъ своихъ чистыхъ идеаловъ и спустилось до позорнаго дѣла развращенія нравовъ.

Но это не то искусство, которое должно быть. Это даже не искусство, и то, что предлагаютъ намъ подъ этимъ именемъ, есть печальный плодъ того, что искусство лишило себя небесной струи христіанскаго вліянія, которое одно можетъ оплодотворить это благородное проявленіе человѣческаго духа. Христіанство часто упрекали въ томъ, что оно своими высокими нравственными идеалами стѣсняло свободу искусства, но это грубое разсужденіе не стоитъ того, чтобы на немъ останавливаться подробно. Христіанство противъ всего, къ чему пришло современное ложное искусство, противъ котораго такъ часто раздаются теперь правдивые голоса, и всегда за все то, что породило истинное искусство всѣхъ вѣковъ.

Небесный художникъ, вложивъ въ насъ благородное стремленіе къ красотѣ, сотворивъ насъ художниками, въ тѣсной внутренней связи религіозныхъ стремленій, умственныхъ потребностей и нравственныхъ влеченій, въ ихъ гармоніи положилъ прочную основу истиннаго развитія художественнаго творчества. Искусство есть одинъ изъ путей, ведущихъ человѣка къ совершенству, оно живетъ въ тѣсной связи съ религіей и моралью. Это историческій фактъ, который прекрасно уясняется психологическими и философскими соображеніями. Возьмите лучшія имена, лучшія произведенія всѣхъ родовъ искусства во всѣ христіанскіе вѣка,—они вдохновлены религіозной идеей, они порождены творческимъ духомъ, витавшимъ въ высшихъ сферахъ христіанской атмосферы.... Дантъ, Мильтонъ, Моцартъ, Бетховенъ, Рафаэль, Микель-Анджело, Пушкинъ, Лермонтовъ, Алексѣй Толстой, Полонскій, Надсонъ, Хомяковъ, Чайковскій, Майковъ, Достоевскій и др.—это все представители творчества въ союзѣ съ религіозной идеей и животворной силой христіанства. Это — доказательства того научнаго положенія, что истинное художе-

ственное творчество всегда соединяется съ религіозностію, и недостатокъ религіозности художника можно объяснить несовершенствомъ его художественнаго дарованія. Нужно-ли напоминать вамъ религіозные мотивы нашихъ поэтовъ? Они всѣмъ извѣстны, и многіе изъ васъ уже испытали наслажденіе отъ ихъ вдохновенныхъ пѣсней о Богѣ, о любви, о страданіи, о вѣчномъ мірѣ?... Мы не имѣемъ возможности долго распространяться по этому вопросу и смѣло утверждаемъ, что только живущее въ атмосферѣ христіанскихъ идеаловъ искусство есть истинное искусство и истинный источникъ благороднаго наслажденія, полное нравственной силы и бодрящаго значенія,—истинный элементъ Богомъ дарованнаго человѣку счастья на землѣ, ведущаго къ вѣчному блаженству неба.

И такъ, только въ союзѣ съ христіанствомъ искусство можетъ совершать свою благородную задачу просвѣщенія людей, можетъ служить своими пѣснями, образами и звуками, вдохновленными высшими идеалами христіанскаго міросозерцанія, дѣлу земного счастья человѣка и нравственному прогрессу, ведущему человѣчество къ вѣчнымъ цѣлямъ каждой отдѣльной души и всего человѣчества.

Къ истиннымъ художникамъ обращается Шиллеръ съ глубоко вѣрными словами:

Что въ мірѣ знанія открылъ мыслитель смѣлый,
То завоевано, открыто лишь чрезъ васъ.
Всѣ тѣ сокровища, что собралъ умъ прозрѣвшій,
Изъ вашихъ только рукъ пойметъ мыслитель самъ...
Ведите же его таинственной стезей
По лучшей лѣстницѣ поэзіи святой,
Чтобъ на концѣ временъ еще порывъ живой,
Еще одно святое вдохновенье —
И человѣкъ подвергся въ упоеньи
Въ объятія истины самой...

Счастливы во истину тѣ, кто, одаренные эстетической душой, вдыхаютъ грудью, въ которой сердце бьется христіанской жизнію, животворный воздухъ истиннаго искусства. Въ часы страданія, въ часы раздумья, въ часы нравственнаго одиночества въ призывахъ поэта, въ мелодіяхъ музыки, въ чудной картинѣ,—проникнутыхъ высшими идеалами, найдетъ его вѣрующее сердце миръ, отраду и счастье. Для него

искусство—не только умиротворяющая пѣсня, доставляющая высшія наслажденія счастья, но и призывъ къ небу и царство небеснаго идеала во всемъ величіи его красоты.

Но это удѣлъ рѣдкихъ душъ, когда свѣтъ христіанства соединяется съ ея идеалами истиннаго искусства и чистаго эстетическаго наслажденія. Для темнаго народа, но съ свѣтлой вѣрой и свѣтлой душой, не исковерканной мнимыми благами современнаго искусства, доселѣ чудная живопись храма и религіозной картины, свѣтлыя пѣсни христіанскаго богослуженія, святые звуки церковныхъ напѣвовъ составляютъ источникъ его эстетическихъ наслажденій, а религіозное пониманіе природы и ея поэзіи еще болѣе усиливаютъ значеніе вѣры для народа, какъ дающей ему взамѣнъ современнаго искусства истинную поэзію христіанскаго чувства, которая одна въ силахъ дать ему бодрость среди страданій жизни. Къ этому наслажденію красотой природы мы и обратимся.

V.

Въ животворную область величественной природы, въ созерцаніе красотъ художественно созданнаго космоса увлекаютъ затѣмъ современные теоретики счастья наболѣвшее сердце современнаго человѣка. Вотъ гдѣ источникъ исцѣленія души отъ ея ранъ и страданій. Въ величественной тиши природы найдетъ онъ миръ отъ мукъ своего внутренняго разлада, въ ея вѣчной жизни найдетъ онъ одобреніе замершей въ немъ любви къ жизни, въ ея мощной энергіи найдетъ онъ мощный призывъ къ наслажденію жизнію и энергической дѣятельности, въ ея просторѣ и объятіяхъ найдетъ онъ цѣльбу своимъ истерзаннымъ нервамъ, въ ея лонѣ обновятъ свои изжитыя силы современные неврастеники и пессимисты,—въ ней, и больше всего въ ней, есть неисчерпаемый, вѣчно свѣжій запасъ жизни, ободренія, примиренья, наслажденія, счастья... Нѣтъ словъ, чтобы воспѣть достаточно красоты неба, моря, полей, цвѣтовъ, всего, въ чемъ бьетъ живой ключъ вѣчной жизни и вѣчной красоты... Мы вполнѣ согласны съ этими прекрасными словами, хотя и думаемъ, что душа современнаго человѣка едва ли сохранила то чистое отношеніе къ природѣ, которое возможно лишь въ сердцѣ, полномъ христіан-

скаго свѣта и нравственной высоты, и что въ природу она вноситъ отраженіе своей омраченной души, находя и здѣсь ложное свидѣтельство и подтвержденіе своихъ мрачныхъ мыслей, злобныхъ чувствъ, оправданіе своихъ тлѣнныхъ порывовъ... То, что даетъ природѣ глубокое вліяніе на человѣка, что вноситъ въ нее дѣйствительную мощную силу быть источникомъ мира, наслажденія, отрады, примиренія, блаженства, счастья, это именно глубоко религіозное отношеніе къ природѣ, соединенное съ возвышеннымъ христіанскою вѣрою эстетически-поэтическимъ чувствомъ. Не въ этомъ бездушномъ и мертвомъ механическомъ взглядѣ на природу, который разложилъ это твореніе Божіе, живую проповѣдь о Творцѣ, на мертвыя части съ научной номенклатурой, — не въ этомъ взглядѣ, съ которымъ воспиталось наше поколѣніе, руководимое наукой о природѣ, надо искать ключъ къ тому пониманію природы, которое ведетъ за собой источникъ наслажденія и блаженства. Абстрактныя научныя формулы ничего не говорятъ о жизни природы. Языкъ ея понимаетъ только тотъ, кто вѣруетъ въ ея Творца. Нѣмая предъ философомъ и ученымъ, которые приступаютъ къ ней съ рѣзцомъ анализа и молоткомъ критики, природа открываетъ свои тайны только религіозно-настроенному сердцу, душѣ подходящей къ этой природѣ съ нѣжной мольбой свѣта, мира и любви. Религіозное чувство, христіанское пониманіе — вотъ въ чемъ надо искать ключъ, чтобы понимать природу и наслаждаться ея красотой, находя въ ней источникъ мира, отрады и счастья.

Небеса повѣдаютъ намъ славу Божію. Звѣздное небо есть объектъ религіознаго обожанія сыновей пустыни. «Печать вѣчности лежитъ на всемъ преходящемъ; скромный цвѣтокъ проникнутъ для (религіозно-настроеннаго) мыслителя необъятностію, темной, лазурной и звѣздной; мы смотримъ на поля, но приходимъ въ восхищеніе отъ Бога. Лилія, которою ты любуешься, цвѣтетъ въ твоемъ сердцѣ, и душа твоя украшается розами, на которыя ты смотришь». «Когда бушуетъ буря, вѣра моя крѣпнетъ; въ ураганѣ я созерцаю сознаніе долга и вѣру въ истину, которая сверкаетъ какъ молнія». (В. Гюго). «Любите другъ друга, говоритъ Іисусъ — и это слово вѣчно свѣтитъ для насъ, на небесахъ, въ цвѣтахъ, въ обновленномъ нашемъ сердцѣ, какъ сіяніе безконечной любви». (Сюлли Прюдомъ). Наслаждаясь свѣтомъ электричества, которое хочетъ переселить солнце, религіозное чувство невольно

восклицаетъ: молніи, хвалите Бога... Вотъ какъ говоритъ одинъ поэтъ о природѣ, — его общеизвѣстныя слова стоятъ того, чтобы ихъ повторить:

Когда волнуется желтѣющая нива,
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;
Когда, росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой
Изъ подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;
Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ:
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога!

Нужно ли говорить, что Христосъ любилъ природу и въ ея нѣдрахъ, въ тиши Геѳсиманскаго сада, на покрытой зеленью горѣ, находилъ себѣ отдыхъ и отраду послѣ утомленія—и здѣсь, въ уединеніи, въ общеніи съ природой, собиралъ Свои человѣческія силы, въ молитвѣ и бесѣдѣ съ Отцомъ и Зодчимъ всей этой красоты? Лучшіе выразители и носители христіанскихъ идеаловъ, подвижники всѣхъ вѣковъ, избирали мѣстомъ своихъ подвиговъ самосовершенствованія для великихъ дѣлъ истиннаго человѣколюбія мѣста, полныя величія и красоты, гдѣ все проповѣдывало имъ о Томъ, Кто былъ Солнцемъ ихъ жизни.

Для вѣрующаго сердца природа есть храмъ Божій, гдѣ вѣчно славится имя Творца. Звѣздное небо—это куполъ, наполненный безчисленнымъ множествомъ паникадилъ. Ни одному храму не сравняться съ этимъ безконечнымъ храмомъ по величію, свѣту и великолѣпію. Въ восторженныхъ пѣсняхъ и звукахъ природы слышится гимнъ и хвала Творцу. Всѣ краски, вся жизнь, всѣ цвѣты, всѣ растенія отъ былинки до гиганта, вся живая тварь, отъ червя до человѣка—есть живая проповѣдь жизни, дѣятельности, разума, любви, безсмертія... Вся

природа ликуетъ и радуется съ нами, плачетъ и говоритъ намъ слова мира и утѣшенія въ часы испытаній и скорбей... Истинные художники не могли иначе понять природу, какъ храмъ Божества, вѣчную пѣсню о жизни, истинѣ и любви, о это можно сказать не о нихъ только, не о лицахъ съ высокимъ эстетическимъ чувствомъ, но и о тѣхъ, кто сжился съ природою и, не имѣя ни знаній, ни эстетическаго развитія, однимъ чутьемъ своей не искалѣченной натуры, озаряемые свѣтомъ самой простой и дѣтской вѣры, любятъ ее какъ родную, и считаютъ ее своею учительницей. Я говорю о простомъ народѣ, для котораго она орошена его слезами и потомъ, радуется и скорбитъ съ нимъ и есть самая понятная проповѣдь Творца и Его любви ко всѣмъ. Онъ чувствуетъ свое сродство съ природой, лѣсомъ, полями, кормящими его животными, птицами, пчелка поетъ ему о Богѣ, а небо проповѣдуетъ Евангеліе.

Итакъ, только озаренное христіанствомъ эстетическое чувство можетъ найти въ природѣ истинный источникъ земного счастія, миръ, отраду и ободреніе въ общеніи съ ней, и къ проповѣди о религіозномъ пониманіи природы должны быть обращены призывы современныхъ друзей человѣчества [1]).

Свящ. **Ѳ. Преображенскій.**

---

[1]) Окончаніе будетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки